

ДЖОН · БОЛЛ

ДЖОН · БОЛЛ

— ДУШНОЙ НОЧЬЮ В КАРОЛИНЕ —

СМЕРТЬ В НУДИСТСКОМ ПАРКЕ

ТВОЙ ВЫСТРЕЛ, ДЖОННИ!

— ПЯТЬ ОСКОЛКОВ НЕФРИТА —



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б79

Серия «Классический американский детектив»

John Ball

IN THE HEAT OF THE NIGHT
THE COOL COTTONTAIL
JOHNNY GET YOUR GUN
FIVE PIECES OF JADE

Перевод с английского

Л.Г. Мордуховича (Душной ночью в Каролине. Пять осколков нефрита)

А.А. Соколова (Твой выстрел, Джонни! Смерть в нудистском парке)

Компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств Dominick Abel Literary Agency, Inc.
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Болл, Джон.

Б79

Душной ночью в Каролине. Смерть в нудистском парке. Твой выстрел, Джонни! Пять осколков нефрита : [сборник : перевод с английского] / Джон Болл. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 704 с. — (Классический американский детектив).

ISBN 978-5-17-090030-5

«Душной ночью в Каролине»

В тихом южном городке совершено убийство известного дирижера, у которого не было врагов. Улики отсутствуют, свидетелей нет, мотивы не ясны. И начальник местной полиции вынужден воспользоваться помощью Вирджила Тиббза, случайно оказавшегося проездом в Каролине.

«Смерть в нудистском парке»

Утром в нудистском парке находят труп обнаженного мужчины. Кто его убил и зачем? Вирджил Тиббз начинает расследование и вскоре узнает: жертва — миллионер — нажил немало врагов и множеству людей выгодна его смерть. Но кто из подозреваемых виновен? И главное — для чего труп оставили в столь «экзотическом» месте?

«Твой выстрел, Джонни!»

Десятилетний Джонни — убийца? Свидетели видели, как он выстрелил в уличного бандита Уилли. Поначалу дело, порученное Вирджилу Тиббзу, кажется очень простым. Но эксперты утверждают: в бандита стреляли дважды. И погиб он от второго выстрела, сделанного не Джонни, а метким, опытным стрелком. Кто же свел счеты с Уилли и почему?

«Пять осколков нефрита»

В пригороде Лос-Анджелеса найден труп китайского антиквара. Картина преступления весьма необычна: из магазина ничего не пропало, вокруг тела жертвы разложены четыре старинные статуэтки, а орудием расправы послужил бесценный нефритовый кинжал. Ритуальное убийство? Месть обманутого коллекционера? Или — что-то еще?..

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© John Dudley Ball, 1965, 1966, 1969, 1972

© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2011

© Перевод. А.А. Соколов, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090030-5

ДУШНОЙ
НОЧЬЮ
В КАРОЛИНЕ

Глава 1

В три часа ночи городок Уэллс в Каролине привычно лежал вразомлевший от нестерпимой духоты. Большинство из одиннадцати тысяч его обитателей беспокойно ворочались во сне, а те, кто так и не смог заснуть, молили Бога послать хоть какой-нибудь ветерок, чтобы развеял эту адскую ночную муку. Раскаленный августовской жарой воздух не выпускал город из своих крепких удушающих объятий ни днем, ни ночью.

Ночь была безлунная. На главной улице немногие уличные фонари — лампы без колпаков — едва разгоняли тени у закрытых магазинов, чудом дожившего до этих времен кинотеатра и притихшей бензоколонки. На углу, где улицу под прямым углом пересекало шоссе, в аптеке Саймона работал кондиционер, нарушая ночную тишину своим ровным гудением. Напротив у тротуара примостился полицейский патрульный автомобиль.

Ночное дежурство сегодня нес Сэм Вуд. В данный момент он, плотно сжимая крепкими пальцами шариковую ручку, заполнял бланк рапорта на приспособленной на руле планшетке. Аккуратно составлял из печатных букв слова, с трудом различимые в полумраке. В рапорте говорилось, что он закончил положенное патрулирование главных жилых кварталов, где все оказалось в полном порядке. Подобные рапорты Сэм писал уже три года и всякий раз гордился, ощущая свою зна-

чимость. Ведь сейчас, ночью, он был в городе единственным бодрствующим представителем власти.

Закончив работу, Сэм положил планшетку на сиденье рядом и взглянул на часы. Без нескольких минут три. Пора устроить перерыв и выпить чашечку кофе в придорожном баре. Впрочем, в такую жару лучше взять чего-нибудь прохладного. Теперь предстояло решить, что сделать раньше — устроить перерыв или вначале объехать кварталы, где жили бедняки. Появляться там Сэм не любил, но служба есть служба. Пришлось еще раз напомнить себе о ее важности. Нет, перерыв подождет. Сэм завел двигатель и мягко отъехал от тротуара, как умеют только опытные водители.

Он пересек шоссе, где не было ни души, и по тряской мостовой двинулся к беспорядочно разбросанному негритянскому кварталу. Сэм вел автомобиль очень медленно, не в силах забыть ночь несколько месяцев назад, когда он задавил собаку. Псина заснула прямо посередине улицы, и он заметил ее слишком поздно. Перед его глазами снова возникла картина: он сидит на корточках, приподнимая голову собаки, а та смотрит на него доверчиво, с потрясением, болью и мольбой. Собака умерла прямо перед ним. И это Сэма неожиданно тронуло до глубины души, хотя он иногда ходил на охоту и вообще считался крутым парнем. А тут его чуть слеза не прошибла от жалости к животному и ощущения вины. Поэтому сейчас он внимательно следил за дорогой, объезжая рытвины и высматривая собак.

Закончив короткий объезд негритянского квартала, Сэм притормозил на железнодорожном переезде и медленно покатил дальше по улице, где по обе стороны стояли старые дома, большей частью обшитые некрашеными досками. Это был район белых бедняков, не имеющих ни денег, ни надежды их как-то заработать. Впрочем, некоторым здесь вообще было на все наплевать. Сэм двигался по улице, осто-

рожно объезжая ухабы. Вскоре показался дом Парди. Скобоченный прямоугольник окна в нем светился желтым светом.

Ночью в доме свет зажигают, если только кому-то нездоровится. Однако на это могут быть и иные причины. Заглядывать в окна по ночам Сэм считал недостойным, но полицейский на дежурстве просто обязан это делать. Мало ли что. Он плавно подъехал к тротуару и двинулся очень медленно, почти бесшумно, стараясь никого зря не тревожить. Надо разобраться, почему у Парди в пятнадцать минут четвертого утра в кухне горит свет. Хотя разобраться тут нечего. Он прекрасно знал, в чем дело.

Кухню освещала свисающая на шнуре с потолка стоваттная лампочка. Тонкие кружевные занавески на окне не могли и даже не пытались ничего скрыть. Пожалуйста, любуйся. И любоваться тут действительно было чем. У окна стояла Долорес Парди. Сэм видел ее со спины, опять без ночной рубашки, как и в прошлые два раза.

В тот момент, когда патрульный автомобиль встал неподалеку от окна, Долорес сняла с плиты маленькую кастрюльку, развернулась и вылила содержимое в чашку. Теперь Сэм получил возможность увидеть во всей красе груди и другие прелести этой шестнадцатилетней девушки. Однако юное тело Долорес его почти не возбуждало. Сэм пытался понять, что его отталкивает, и пришел к выводу, что девчонка кажется ему грязнулей. Долорес поднесла чашку к губам, и Сэм сообразил, что в этом доме пока все здоровы и пора двигаться дальше. На мгновение мелькнула мысль зайти, предупредить ее, что с улицы все видно, но он отказался от этой затеи. Стук в дверь в такой час разбудит все семейство, а там много детей. К тому же как она откроет ему дверь? Голая?

Сэм свернул за угол и направился обратно к шоссе. Там не было никакого движения, но он все равно, прежде чем свернуть в нужную сторону, остановился на перекрестке, а затем

уж погнал на полной скорости, позволяя жаркому воздуху врываться в окно. Слабый, но все-таки ветерок. Это сомнительное удовольствие длилось не более трех минут. Пересекая городскую границу, Сэм снял ногу с педали газа, свернул на стоянку к ночному бару и легко, с учетом его комплекции, вышел из машины.

В баре была духота, как и снаружи. Центр зала занимала полукруглая стойка с потертой пластиковой облицовкой. Вдоль одной стены располагались разделенные фанерными перегородками кабинки, не предлагающие ни особых удобств, ни уединения. В одно окно был вмонтирован кондиционер, совершенно негодный. Он работал, но создаваемая им тоненькая струйка прохладного воздуха мгновенно рассеивалась, не пройдя и нескольких дюймов. Белая покраска на деревянных стенах со временем пожелтела. Красующееся на потолке над грилем черное жирное пятно увековечивало память о тысячах горячих блюд, в спешке приготовленных, еще быстрее съеденных и забытых.

Ночной бармен, тощий девятнадцатилетний балбес с непропорционально длинными руками, высовывающимися из манжет засаленной рубашки, внимательно рассматривал комикс, сложившись над стойкой чуть ли не пополам. Его остренькое прыщавое личико было хмурым и вкупе со слегка оттопыренной нижней губой в равной степени могло означать и высокомерие, и тупость.

Увидев блюстителя порядка, он живо смахнул комикс со стойки и расправил узкие плечи, всем видом показывая, что готов обслужить стража спящего города. Пока Сэм взбирался на один из трех табуретов, где еще сохранилась обивка, бармен потянулся к полке с толстыми кофейными кружками.

— Куда в такую жару кофе, Ральф? — пробурчал Сэм. — Давай лучше колу. — Он снял свой форменный головной убор и вытер лоб.

Бармен схватил поцарапанный бокал, наполовину заполненный ледяной стружкой, сорвал с бутылки крышечку и наполнил бокал пенной жидкостью.

Сэм дождался, пока осядет пена, осушил бокал, пососал мелкие льдинки и спросил:

— Кто вчера победил?

— Риччи, — мгновенно отозвался бармен. — Мнения судей разделились, но победа за ним.

Сэм налил себе в бокал еще колы, выпил и высказал свое мнение:

— Это хорошо, что победил Риччи. Италияшек я не очень люблю, но по крайней мере чемпионом станет белый.

Бармен одобрительно кивнул.

— Сейчас у нас шесть черных чемпионов. Не понимаю, как им это удается? — Он прижал руки к стойке, раздвинув костлявые пальцы. Видимо, думал, что так он выглядит сильным и крутым. Затем посмотрел на мощные руки полицейского и погрузился.

Сэм придвинул к себе кусок сладкого пирога, одиноко лежащий под дымчатой пластиковой крышкой, откусил, после чего прояснил вопрос:

— Они ведь не такие, как мы с тобой, понимаешь? У них другая нервная система. Черные просто не чувствуют ударов. Животные, одним словом. Такого сбить с ног можно, только если садануть по башке резаком мясника. Вот почему они постоянно побеждают и не боятся выходить на ринг.

Ральф качнул головой, намекая, что теперь ему все понятно и больше ничего добавлять не нужно, и поправил пластиковую крышку.

— Вечером в городе был Мантоли. С дочерью. Я слышал, красotka что надо.

— А что ему тут делать? Они ведь начинают после первого.

Бармен подался вперед, вытирая стойку влажной серой тряпкой.

— Там ведь строят сцену, огромную, в виде раковины. А это оказалось дороже, чем они рассчитали. Теперь, говорят, поднимут цены на билеты, иначе не погасить кредит. Я слышал, Мантоли затем и приехал, чтобы помочь со всем разобраться.

Сэм долил в бокал остатки колы из бутылки.

— Не знаю, что у них выйдет из этой затеи. Возможно, получится, а возможно, прогорят. В классической музыке я, конечно, ничего не понимаю, но все равно не верится, что сюда наедут толпы любителей послушать оркестр, которым дирижирует Мантоли. Да, оркестр симфонический, но почему бы этим любителям не слушать его всю зиму, сидя на мягких стульях? Здесь-то у них будут жесткие. И вообще, а если пойдет дождь? — Он допил залпом содержимое бокала и посмотрел на часы.

— Да, — протянул Ральф. — Мне плевать на этого длинноволосого и его музыку, но если из-за этого наш город включат в путеводители, как обещают, и сюда поедут туристы потратить деньги, тогда властям придется привести этот хлев в порядок и жизнь станет лучше.

Сэм встал.

— Сколько с меня?

— Пятнадцать центов. Пирог за счет заведения. Последний кусок. Доброй вам ночи, мистер Вуд.

Сэм положил на стойку четвертак и собрался уходить. Однажды бармен обнагел настолько, что обратился к нему по имени. Пришлось проучить парня. Нет, Сэм ничего тогда не сказал, лишь посмотрел строго, со значением. И этого оказалось достаточно. Теперь он для хлюпика бармена только «мистер Вуд», как и положено.

Сэм сел в машину, коротко переговорил по рации с дежурным в участке и двинулся по шоссе обратно в город, поудоб-

нее устраиваясь. Остаток ночи не обещал никаких сюрпризов.

Ночной воздух не стал прохладнее, даже когда автомобиль набрал скорость. Сэм не удержался и выругался. Эта мерзкая духота его достала. Значит, предстоящий день будет таким же жарким, как и вчерашний. А следующая ночь такой же душной. Перед въездом на центральные улицы он притормозил по привычке, но вокруг по-прежнему не было ни души. Вдруг вспомнилась Долорес Парди. Еще год, может, два, девчонка выскочит замуж, и кто-то получит уйму удовольствия, завалившись с ней на сеновале. Неожиданно Сэм заметил, что впереди на дороге что-то лежит.

Он прибавил скорость, и машина рванула вперед. Освещаемый четырьмя фарами предмет рос на глазах. Миновав квартал, Сэм затормозил и остановился. Теперь уже было видно, что это человек. Лежит, распростершись на мостовой.

Сэм включил красный проблесковый маячок и выскочил из машины. Осторожно огляделся, держа руку на кобуре с пистолетом, на случай если придется действовать. Но вид темных домов и пустынной улицы его успокоил. Он опустился на колено и внимательно посмотрел.

Человек лежал на спине, забросив руки на голову и раскинув ноги. Лицо повернуто налево, так что правая щека оказалась прижатой к грубой бетонной мостовой. В глаза бросились необычно длинные волосы, покрывающие шею и завивающиеся в том месте, где касались воротника пиджака. Неподалеку, метрах в двух, лежала трость с серебряным набалдашником, выглядевшая странно неуместной здесь, на середине дороги.

Сэм приложил ухо к груди лежащего, пытаясь услышать, бьется ли сердце. Но плотно застегнутый жилет — и это при такой духоте — не позволял определить, жив человек или мертв. Он начал вспоминать все, что ему доводилось читать о подобных случаях. Сэм не проходил никакой специальной

подготовки. Его просто приняли на службу в полицию, коротко проинструктировали и отправили патрулировать улицы. Однако предписывали самостоятельно ознакомиться с законами и уложениями города, округа и штата. В дополнение он прочитал пару учебных пособий, завалявшихся у них в полицейском участке. У него была хорошая память, и сейчас она не подвела. Относительно подобных случаев там говорились следующее:

«Человека нельзя считать мертвым до тех пор, пока факт смерти не констатирует врач. Человек может находиться без сознания по разным причинам: обморок, контузия и прочее. Иногда умершими считали диабетиков в инсулиновой коме, и те приходили в себя уже в морге. Если человек не имеет тяжелых увечий, несовместимых с жизнью, таких, например, как ампутация головы, его следует считать живым».

Сэм побежал к машине и вызвал дежурного. Как только тот ответил, он быстро и четко сообщил суть происшествия. Место, где лежит неизвестный, и все остальное.

— Да, прямо на дороге, на середине, похож на мертвого. Вокруг никого, и машины тоже не проезжали, во всяком случае, последние несколько минут. Срочно вызывай «скорую».

Сэм вдруг замолчал и задумался, правильно ли он все изложил. Подобное случалось с ним впервые, и он хотел быть на высоте. От размышлений его отвлек голос дежурного:

— Ты знаешь, кто он такой?

— Нет, — ответил Сэм. — Этого человека я никогда прежде не встречал. У него длинные волосы, жилет, трость. Рост небольшой, примерно метр шестьдесят.

— Это Мантоли! — воскликнул дежурный. — Дирижер. Главный в этих делах с фестивалем. Если это он, и к тому же мертвый, то шуму будет много. Оставайся на месте. Жди.

Сэм закрепил микрофон на держателе и быстро вернулся к лежащему человеку. Больница находилась в девяти кварталах отсюда, значит, «скорая» прибудет минут через пять. Он снова наклонился над человеком. Вспомнилась раздавленная собака, но данный случай в тысячу раз хуже.

Сэму вдруг захотелось подбодрить и успокоить этого несчастного, и он мягко, почти с нежностью, прикоснулся к его затылку: «Потерпи, дружок, еще чуть-чуть, ты теперь не один, тебе уже недолго осталось лежать на этой жесткой мостовой, скоро прибудет помощь». Поглощенный этими мыслями, Сэм не сразу осознал, что его пальцы погрузились во что-то густое и липкое. Он инстинктивно отдернул руку. Жалость мигом улетучилась, сменившись нарастающим гневом.

Глава 2

У постели шефа городской полиции Билла Гиллеспи зазвонил телефон. Он встрепенулся, взглянул на часы: четыре минуты пятого, — полежал несколько секунд и потянулся к трубке. Явно случилось что-то серьезное, иначе дежурный в такой час не позвонил бы.

— Да, — буркнул он в трубку.

— Шеф, мне не хотелось вас будить, — проговорил дежурный, — но если Сэм Вуд правильно разобрался, то у нас убийство, скорее всего преднамеренное.

Гиллеспи заставил себя сесть и спустил ноги с кровати.

— Турист?

— По описанию Сэма, убитый похож на Энрико Мантоли. Того самого, который собирался провести здесь музыкальный фестиваль. Понимаете, шеф, пока я даже не уверен, что человек мертв, но если это так и кто-то действительно прикончил такую знаменитость, то все планы насчет музыкального фестиваля лопнут.